

Николай Чернышевский

ОБ ИСКРЕННОСТИ
В ИСКУССТВЕ

Москва
T8RUGRAM
2018

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Ч49

Чернышевский, Н.

Ч49 Об искренности в искусстве / Н. Чернышевский. — М. :
Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 264 с.

ISBN 978-5-517-00263-1

Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) — русский философ-материалист XIX века, революционер-демократ, теоретик критического утопического социализма, учёный, энциклопедист, литературный критик, публицист и писатель.

«Об искренности в искусстве» — сборник литературно-критических статей, в которых автор обращается к произведениям известных писателей и поэтов, среди которых: А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, М.Е. Щедрин, В.А. Жуковский и многие другие. Благодаря смелости и новаторству в высказываниях Чернышевский оказался в эпицентре литературных дискуссий и привлёк внимание многочисленных читателей.

BIC DSB
BISAC JNF000000

ISBN 978-5-517-00263-1

© Т8RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

Содержание

Песни разных народов	5
Бедность не порок	56
Стихотворения Н. Огарева	72
Сочинения В. Жуковского	84
Собрание стихотворений В. Бенедиктова	108
Очерки из крестьянского быта	
А. Ф. Писемского	136
Об искренности в критике	156
Губернские очерки	195

ПЕСНИ РАЗНЫХ НАРОДОВ

Говорят, будто бы человек не бывает ничем доволен. Действительно, так иногда случается, и нельзя не сказать, что в избитой фразе о ненасытности человека, о безграничности его требований есть своя доля правды, как есть своя доля правды во всем, что когда-нибудь было или будет сказано. Но гораздо более справедливости в противоположной мысли, которая слышится не столь часто: человек вообще чрезвычайно склонен к самодовольству и, вследствие того, к довольству всем, что считает своим. Посмотрите, как неумеренно каждый народ превозносит свое участие в истории, как ставит он себя первым в мире народом! Для нас, например, посторонних и потому до высокой степени беспристрастных зрителей забавно видеть, как французы почитают первую в мире литературу свою литературу, англичане — свою, немцы — свою; мало этого, даже итальянцы до сих пор продолжают считать себя стоящими в челе всемирного движения, воображают, будто бы их поэты и ученые — не Данте или Ариосто, не Джордано Бруно или Галилей, нет, современные, не важные ни для кого, кроме самих итальянцев, поэты и ученые — первые двигатели умственного и нравственного мира. После этого легко будет оценить и степень основательности притязаний каждого нового поколения на безусловную справедливость стремлений своего века. Беспреданно повторяется старая история присуждения греками награды тому человеку, который наиболее содействовал победе над Ксерксом: когда началась баллотировка, каждый из присутствовавших клал в урну свое

собственное имя. Мы не говорим, чтобы все притязания настоящего поколения на славу были несправедливы; мы даже не хотим решать и того, справедливы ли притязания нашего времени на первенство над всеми предыдущими историческими эпохами, на безусловную справедливость того «духа века», который веет ныне. Мы только хотим сказать, что похвала из собственных уст ненадежна, что самодовольство не ручается еще за справедливость и превосходство, что надобно ждать похвалы от других, не опираясь на собственную, что истина не есть исключительная привилегия одного какого-нибудь поколения и что полезнее подвергать строгому по возможности анализу свои понятия о собственных достоинствах, нежели успокаивать свое самолюбие фразами: «...мы обладатели полной, всесторонней истины; все наши предшественники ошибались; мы выше и лучше всех: наши стремления безусловно безошибочны». Любовь к себе так сильна, что может нуждаться только в разумном обуздании, а не в безотчетных подстреканиях.

Одно из любимых обвинений со стороны нашего века против предыдущего — «наши отцы и деды мало заботились о народности». Как полно прилагается теперь эта мерка самовосхваления, например, к русской литературе! «Элемент народности слаб у Карамзина и Жуковского; потому содержание их произведений бесконечно ниже того содержания, какое находим в современной литературе». Быть может, и справедливо, что в наше время литература развила в себе содержание более высокое и живое, нежели какое влагалось в нее нашими отцами; мы не хотим решать этого вопроса, он может быть решен только последующими поколениями, и для нас было

бы горько решить его отрицательно. У кого поднимется рука на то, что кажется ему своим? Но если трудно для нас признаться, что мы ниже наших отцов, что

*Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда,
И прах наш с строгостью судьи и гражданина
Потомок оскорбит презрительным стихом, —*

если нам трудно отказаться от претензий на превосходство, то, быть может, не так тяжело для нас взглянуть, действительно ли наше превосходство основывается на тех стремлениях, которые считаются отличительными чертами нашего века и которыми так гордится наш век. Исключительное развитие племенных особенностей и общечеловечность — противоположные элементы, стремление к одному из них необходимо обращается в ущерб пристрастию к другому. В окончательном результате, правда, народность развивается соразмерно развитию общечеловечности — только образование даст индивидуальности содержание и простор; варвары все сходны между собою; каждая из высокообразованных наций отличается от других резко обрисованною индивидуальностью. Потому, заботясь о развитии общечеловеческих начал, мы в то же время содействуем развитию своих особенных качеств, хотя бы вовсе о том не заботились. История всех наций свидетельствует об этом. Французский характер выработался только тогда, когда под древнеклассическим, итальянским и испанским влиянием развилось во Франции общее образование: Рабле, Корнель

и Мольер — чистые французы; между тем французские трубадуры и труверы чрезвычайно мало отличаются от средневековых певцов остальных земель Западной Европы. То же самое надобно сказать об англичанах и немцах: Шекспир явился, когда все в Англии заботилось о древнеклассической и итальянской литературах; Лессинг, Гёте и Шиллер были воспитаны не изучением средневековой поэзии, а влиянием древнеклассической и английской образованности и литературы. Развитие самостоятельности идет вслед за образованностью. Истина, по-видимому, очень простая. Об ней и не говорили сто или даже шестьдесят лет тому назад. И мы не знаем, до какой степени следует нашему времени гордиться тем, что стало необходимо напоминать о ней.

Совершенно к другому результату приводит то, когда преимущественное внимание обращается на развитие содержания, специально принадлежащего тому или другому народу. Эта племенная особенность не может быть понимаема иначе как сумма тех особенностей, которыми известная нация на известной степени развития отличается от остальных народов, и преимущественно от образованных народов, потому что, как мы говорили, необразованные народы существенно не отличаются друг от друга. Заботясь о развитии столь исключительного содержания, необходимо становишься в отталкивающее положение против общечеловечных элементов; временное и случайное проявление становится в этом случае выше общего начала, форма выше содержания. Вместо движения превозносится застой, вместо живого духа начинает господствовать мертвая буква. Если бы мы захотели найти поразительный пример всего этого в ближайших време-

нах и землях, мы должны были бы припомнить грустную историю тевтономании, которая нанесла так много вреда блистательно начавшемуся возрождению Германии, которая заглушила благородные семена жизни, посеянные императором Иосифом II, Фридрихом Великим, Лессингом, Кантом, Шиллером. Здесь было бы неуместно повторять историю жалкого немецкого романтизма в науке и литературе и выказывать его внутреннюю слабость и несообразность. Все это уже было красноречиво высказываемо на русском языке, и желающие припомнить давно читанное, но в последнее время позабытое многими, лучше всего сделают, если обратятся к изучению тех понятий, которые были высказываемы в эпоху Лермонтова и Гоголя. Возвращаясь к примеру, нами представленному, укажем только на состояние немецкой литературы в настоящее время. Она наводнена переводами дюмазовских романов. Вот к чему привела тевтономания: она, думая возвысить специальную самостоятельность в литературе, убила ее; трудами Шлегелей, Тика и т. д. немецкая литература приведена совершенно в то же состояние, от которого избавили ее гуманические усилия Лессинга, разница разве только в том, что в нынешний раз упала она гораздо ниже того уровня, на котором стояла до Лессинга, в эпоху Виланда. Такое печальное следствие необходимо и объясняется очень просто. Забота об оригинальности губит оригинальность; истинно самостоятелен только тот, кто и не думает о возможности быть несамостоятельным. Толкует об энергии своего характера только слабохарактерный, боится подчиняться чужому влиянию только тот, кто чувствует, что его легко подчинить. Прочно мы владем только тем, чего не боимся потерять. Итак, хлопоты

о самостоятельности служат уже признаком отсутствия самостоятельности. Сознательная забота об оригинальности есть забота о форме. У кого есть содержание, тот не будет хлопотать, чтоб отличаться оригинальностью. Он не может не быть оригинален, потому и не думает об этом. А забота о форме приводит к пустоте и ничтожности. За ничтожностью следует подчинение.

Поклонение народной поэзии более всего основывается на подобных заботах о том, чтобы «литература прониклась своеобразным содержанием». Высказанные нами убеждения достаточно свидетельствуют, что мы не увлекаемся беспредельным пристрастием к народным песням. Мы не думаем ставить, как это делают многие, цыганского хора выше оперы или концерта. «Ай, вдоль по улице молодчик идет» выше моцартовской или россиниевской арии, не считаем «Древних русских стихотворений» Кирши Данилова выше стихотворений Пушкина. Нам кажется, что после всего сказанного исключительные почитатели народной поэзии, в том числе и г. Берг, могут упрекнуть нас в холодности к ней и никто не причислит нас к их разряду. Итак, если в продолжение нашей статьи мы должны будем высказать о достоинствах народной поэзии суждения, которые для незнакомых с нею близко могут показаться слишком высокими, то читатели могут быть уверены, что высокое уважение к народной поэзии вызывается в нас только требованиями справедливости, а не безотчетным пристрастием и не какими-нибудь посторонними соображениями, как это часто бывает.

Отношение народных песен к произведениям письменной литературы почти совершенно соответствует отношению периода, в котором они развиваются, к ха-